

F O L D E R No. 11.

ARTICLES BY PROFESSOR NICHOLAS ROERICH.

Nos:-

130, 131, 132, 133, 134, 135, 136,
137, 138, 140, 141, 142, 143, 144,
145, 146, 147, ~~148~~, ~~149~~, 150, 151,
152, ~~163~~.

(Two typed copies and one original)

v867 original

СРЕДСТВА.

Дягилев всегда нуждался в деньгах. Иначе и быть не могло. Его личные средства были невелики, а выставки, журнал, антреприза, поездки, все это требовало больших затрат. Богатеи сочувственно ему улыбались, но действительная помощь трудно приходила. Именитые друзья похваливали, но кошельки были закрыты. Впрочем, также трудно было и во всех новых делах. Однажды я спросил Дягилева, отчего он не обратиться к Ага-Хану, который всегда посещал его балет. Ответ был: "Даже если для него лошадиный балет поставлю, то все-таки не поможет". Иногда становилось глубоко жаль траты такой ценной энергии на розыски средств. Перед постановкой "Половецкого Стана", Дягилев в день своего отъезда принес мне в счет гонорара 500 рублей. Но вечером на вокзале его так осаждали со всякими денежными требованиями, что он лишь шептал: "И зачем я Рериху 500 рублей отдал". Если бы я был на вокзале, вернул бы ему. Одно время налаживалась хорошая кооперация с кн. М.К. Тенишевой. Она очень ценила Дягилева. Но из-за Бенуа и эта возможность развалилась. Мария Клавдиевна очень не влюбила Бенуа за его двуличность и называла его Тартюфом. Можно было от души удивляться, что ни правительство, ни частные лица не пришли широко на помощь замечательным начинаниям Дягилева. Конечно, благодаря своей изумительной энергии, Сергей Павлович как-то умудрялся выходить из денежных затруднений, но на это уходила ценнейшая энергия. Если бы перед Дягилевым не стояли всегда денежные опасности, его планы стали бы еще грандиознее. А ведь его планы всегда были во славу русского искусства. Если теперь русское искусство ведомо по всему миру, то ведь это в большой степени есть заслуга Дягилева. Говоря это, мы несколько не умаляем значения всех художников разных областей искусства, которые работали с Дягилевым. Он умел выбирать для каждого выступления вернейший материал. Поверх всяких личных соображений Дягилев умел делать во благо искусства. Так например, между ним и Сомовым отношения были всегда очень плохи. Была какая-то исконная антипатия и, тем не менее, Дягилев умел ценить художника. Таким деятелям, как Дягилев, нужно давать достаточные средства, во имя родного искусства. Ох средства, средства!

Н У Ж Д А.

Говорим, что Дягилеву было трудно со средствами, а разве нам самим легче было?! Сколько раз искали деньги на самые необходимые нововведения в школе и частенько ни копейки не находили. Нужен был неотложный ремонт дома и всего-то на пять тысяч рублей. Нечаев-Мальцев сказал Ильину - председателю финансовой комиссии: "делайте, а деньги найдутся". Все поняли, что миллионер хочет покрыть этот расход. Когда же в конце года Ильин сообщил о перерасходе бюджета на пять тысяч, тот же Нечаев-Мальцев пожевал губами и сказал: "жаль, значит деньги не нашлись". И другие пять тысяч нужны были на надстройку мастерской. Никто не отозвался. Наконец, старуха Забельская, дала эти деньги усмехнувшись при этом: "если уж от министров получить не можно, то уж верно нам придется раскошелиться". При возникновении новых расходов, Комитет всегда предлагал повысить плату учащихся. Указывалось, что если расширяются мастерские, то Общество имеет право ожидать сочувствия со стороны учащихся, тем более что у нас было шестьсот бесплатных. Действительно, так и было, но меннее всего хотелось отягощать учащихся, среди которых было много неимущих. Плата в нашей школе была самая низкая, и эта основа должна была быть нерушимой. Составление бюджета было самым злосчастным днем. Знаешь о всех нуждах, а доходные статьи - не резиновые! Советуют, - "прибавьте на художественные аукционы или на выставки". Но такие прибавки проблематичны. Легко приписать ноль, а как его выполнить! А если народ не придет на аукцион или не захочет купить на выставке? Комитет Общества затруднялся иногда выдать стипендию в двадцать пять рублей и делил ее на две. Хороша была стипендия в десять рублей! Инспектор и руководитель класса Химона получал сто рублей. Когда же он заболел и я просил Нечаева дать пособие, то получился ответ, что нужда - лишь от неправильного распределения бюджета. Велик бюджет - в сто рублей! Сколько хлопот было, чтобы устроить полуслепому Врубелю нищенскую пенсию в пятьдесят рублей. Со стороны все выглядело пышно. Две с половиной тысячи учащихся. Восемьдесят преподавателей. Два дома - на Морской и в

Демидовом переулке. Четыре загородных отделения. Превосходный Музей, собранный Григоровичем. Выставки. Высокие покровители, именитые члены и за всем этим нужда, пресекавшая все лучшие начинания. Бывало, что Комитет спорил долго кому дать пятнадцать и кому десять рублей. Помню долго спорили об Анисфельде. Наконец я сказал, что доходы членов Комитета за время спора много превысили обсуждаемую сумму. Анисфельд получил пятнадцать рублей. Ужасна нужда в делах просвещения! Но, несмотря на все стеснения, школа наша процветала. Разительный контраст представляла Школа Штиглица. Превосходное здание, огромный капитал, высокие жалованья, щедрые заграничные командировки - словом, казалось бы, все преимущества! А между тем, народ не любил Штиглицовскую школу и предпочитал нашу. Живее было у нас! Никого не зазывали. Объявлений о школе не печатали, а всегда было полно. Преподаватели лишь жаловались на переполнение. Поистине, "трудности рожают возможности". Когда мы говорили о "Народной Академии", мы опирались на реальное положение. Наше учреждение не входило ни в одно ведомство. Было само по себе и это очень озабочивало Государственный Совет. Каждый год ко мне приезжал чиновник, предлагая приписаться к любому ведомству. "Куда хотите, - или к Императорскому Двору или к Народному Просвещению или к Торговле и Промышленности. Куда хотите, но не можем же мы для вас держать отдельную графу - точно особое министерство." Начинались соблазны усиленной пенсией, чинами и орденами. Чечевичная похлебка была заманчива, но того дороже была нам свобода. Всегда я спрашивал соблазнителя: "если припишемся куда либо, то ведь оттуда будет прислана программа и придет какой-то инспектор?" Мне отвечали: "но ведь это пустая формальность, канцелярская отписка". Но мы были достаточно умудрены и никакая похлебка не действовала. Иначе, - похлебав, пришлось бы потом расхлебывать. Правда, наш исключительный устав был для многих бревном в глазу. Григоровичу в свое время удалось провести неподведомственное положение Общества и Школы. Ради этого стоило потерпеть даже и нужду.

В дымке мреют Смоленские леса. Ясный летний день. Жарко, но в храме прохладно. Кончаем роспись "Царица Небесная". Часть лесов уже снята. Идут предположения как пойдет дальше настенное украшение. Вдруг конский топот. Кн. Четвертинская спешно влетела на паперть храма и ударила тяжкою вестью: - "война". Менее всего гармонировало это убийственное слово с мирною стенописью. Собрались, обсуждали, каждый высказывал свои соображения, которые обыкновенно не оправдываются. Вместо росписи всего храма пришлось ограничиться одною алтарною апсидою с пилонами и надвходными арками. С трудом нашли места в вагоне. Все дорожки были запружены войсками. Хотя школьные занятия и начались во время, но всюду сразу почувствовался сложный темп. Таков был 1914 год. В следующем году - выставка искусства союзных народов и основание мастерских для увечных воинов. Казалось бы в эти мастерские попадали совершенно случайные, неподготовленные люди, что называется "от сохи". И тут под гром пушек еще раз пришлось убедиться в несказуемых дарованиях русского народа. Когда изделия этих мастерских были выставлены, то произошло даже недоразумение. Некие скептики начали уверять, что это работы не инвалидов, а каких-то вполне подготовленных прикладных художников. Помню как обиделись этим руководители наших мастерских, ибо они искренно гордились успехами таких особенных учеников. И с каким восторгом работали инвалиды. Верилось, что эти семена в них заложены, дадут прекрасные ростки. И еще одно качество русского народа, которое так поражало меня. Среди увечий и болячек всегда находилась и шутка и песня и самое душевное настроение. Приходившие посетители полагали найти скорбную атмосферу, проникнутую стоном, а вместо этого попадали на дружную работу, пересыпанную шутками и прибаутками. Из школы стали исчезать многие ученики. Послышалось о смертях и о подвигах; сколько самых отборных, подававших надежды молодых художников не вернулось с поля. Говорили, что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие не повторимо. Писалась

картина "Враг Рода Человеческого", осуждавшая разрушения исторических городов. Ставилась в пользу Бельгии "Сестра Беатриса". Писались призывы ко всем нациям об охране памятников искусства и науки. А пушки гремели. Думалось, что их рев хочет напомнить человечеству о том, что так жить нельзя. Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попираť создания человеческого гения. И не в одних музеях или университетах сохранялись памятники человеческих достижений. В каждом доме была хоть одна замечательная вещь, памятная, старинная. Даже в маленьких библиотеках бывало книги, незаменимо редкие, и кто мог счесть все эти народные накопления? А что же будем говорить о человеческом живом таланте, который так часто расточительно уничтожался? Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что в последствие достаточно будет дружественного обмена мнений. Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она стала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслыханно чудовищной агрессией. Уже терзалась Испания, Абиссиния,.... Был длинен список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений. Как часто бывает, главные выстрелы загремели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем-ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого, хотя отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разноголосица мало ободряет к таким надеждам. Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался. Может быть, опять будем работать для Красного Креста. Опять искусство будет напоминать о том, что недопустимо разрушительство и опять будем надеяться что хоть теперь человечество поймет, где истинные ценности и в чем смысл совершенствования человека.

Гималаи,

3-го Сентября 1939 г.

7

Громы Европейской войны требуют, чтобы опять было обращено живейшее внимание на охрану культурных ценностей. Пакт о таком охранении находится на обсуждении в целом ряде европейских государств и уже подписан двадцатью одной республиками Америк. Конечно, при начавшихся военных действиях уже невозможно ожидать, чтобы какие-то соглашения во время самой войны могли произойти. Тем не менее, деятельность наших комитетов во всякое время должна быть плодотворной. Вспоминая положение охраны культурных ценностей во время войны 1914 года, мы должны сказать, что в настоящее время этому важному вопросу уделено несравненно большее внимание со стороны правительств и общественных учреждений. Без сомнения, работа наших комитетов, благотворно возбуждая общественное мнение в этом преуспевании, оказала свое влияние. Кроме правительственных распоряжений, именно, общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение. В течении прошлой великой войны, мы прилагали посильные меры, чтобы обратить внимание на недопустимость разрушений исторических, художественных и научных памятников. Затем, в течении недавних столкновений, как например, в Испании и Китае, нам приходилось слышать об упоминании и приложении нашего Пакта. Также и теперь все наши комитеты и группы друзей, которым близка охрана всенародных сокровищ, должны, не покладая рук, не упуская ни дня ни часа, обращать общественное внимание на важность и неотложность охраны творений гения человеческого. Каждый из нас имеет большие или меньшие возможности для распространения этой всечеловеческой идеи. Каждый имеет связи в печати или состоит членом каких либо культурных организаций и да будет его долгом сказать повсюду, где он может, доброе и веское слово об охране всего, на чем зиждется эволюция человечества. 24-го марта наш Комитет предпринял ряд шагов перед европейскими правительствами, обращая внимание их на неотложность охраны культурных ценностей. Такой призыв, как видно, был

8

чрезвычайно своевременным. Пусть же теперь каждый сотрудник в культурном деле припомнит все свои связи и возможности, чтобы посылно укрепить общественное мнение, ибо оно, прежде всего, является хранителем мировых сокровищ. Друзья, действуйте спешно!

Гималаи

3 Сентября 1939 г.

Л И С Т.

Смотрю на список почетных советников наших учреждений. Сколько умерших: Джон Абель, Джемс Беннет, Джагадис Боше, Чарльз Крэн, Ральф Доусон, Арманд Дайо, Энрико Грасси, Самуэль Гальперт, Аугусто Легиа, Юлий Лэвенстейн, Роберт Милтон, Альберт Майкельсон, Витторио Пика, Кармело Рапикаволи, Корнелия Сэдж Квинтон, Эдвард Спицер, Люис Воксел. Кроме этих далеко ушедших многие больны как например Рабиндранат Тагор, а о некоторых давно не слышно, как например Иван Местрович, Альберт Эйнштейн, Алексей Шусев, Николай Макаренко, Игнатий Зулоага, Хюбрехт, Метерлинк, Мажуранич, Мануй - лович. Живы ли? Слышим и списываемся с Жак Бако, А. Боссом, Гордон Боттомлей, Христиан Бринтон, Морж Шклявер, Кумар Халдар, Свен Гедин, Эдгар Хвэт, Александр Каун, Чарльз Ланманн, Теодор Опперман, Чарльз Пешпер, Mme. де Во Фалипо, Леопольд Стоковский, Уортон Сторк, Дэдлей Крафте Уатсон. Ведут культурную работу в разных странах Рихард Рудзитис, Гаральд Лукин, с сотней прекраснейших латвийских сочленов. В Литве Серафимина и Юлия Монтвид со своими группами в нескольких городах. В Таллинне Беликов, Раннит, Новосадов; в Брюгге - Тюльпинк; в Париже Пейроннэ, Марк Шено, Лоближуа, Лапрадель, Лефюг, Конлан, Метальников ... В Америке - Лихтманы, Фоздики, Сутро, Стоуск, Камбель, Рейнир, Брагдон, Гартнер, Кербер, Форман, Радосавлевич, Пэлиан ... В Буэнос-Айресе - Хозэ Альберн, в Канаде - Феллоус, в Австралии группа Артур Смиф, Анита Мюль, в Ново-Зеландии Сэтерланд; на Далнем Востоке Инге, Калантаевские, с группами, Кэнг, Лиу ... в Италии Ассаджиоли, Паломби, Писарева, в Болгарии: Омаршевский, Стоилов; В Португалии: Мадахил-Роха, в Швейцарии - Шауб-Кох, в Югославии Асеев, в Праге - Булгаков, Лосский. В Индии много друзей и сотру - дников - Виас, Сен, Чаттерджи, Тандан, Кришнадаса, Мехта, Кэзенс, Махон, Кашиап, Фатулла Хан, Рамдас, Омкар, Васвани, Джагадисвар - ананда, Тампи, Равал, Дутт, Валисинга, Сиривардхана, и много много друзей. Затем так рано ушли из земной юдоли такие деятели как Феликс Лукин, Георгий Спасский, король Александр, король Альберт,

Норвуд, митрополит Платон, д'Андиныэ, Сульэ, Шабас, Галлен-Калела, Преображенский, Вроблевский, Рушиц ... Из "Мира Искусства" ушло 12 человек - целая сильная группа. Большинство ушло не в преклонном возрасте, когда еще много работы могло быть сделано. Подошло новое поколение. Постоянно слышим о молодых. Колесо жизни движется вперед.

НАША АКАДЕМИЯ В НЬЮ ИОРКЕ.

Сейчас Академия помещается в Карнеги Холл. Место выбрано удачно - центрально и привычно для посетителей концертов и всяких художественных проявлений. Если Академия окажется лишь школой объединенных искусств, то это будет только половиною ее задачи. Кроме преподавания искусства, участники Академии должны сойтись в общей работе, - так сказать, во взаимопомощи. Каждый в своей области имеет какие-то распространения и часто косвенно участвует и в других областях искусства. При доброжелательстве каждый может поделиться со своими сотрудниками и таким путем получится взаимная польза. Мало того, сочлены Академии могут жить в разных штатах и поддерживать между собою живую и взаимопользную связь. Не следует сразу задаваться слишком обширными планами. Как всегда можно советовать расширять дело планомерно в человеческих возможностях. Поверх всего нужно помнить, что живая Академия должна состоять не только из корифеев и заслуженных деятелей. Пусть путь в Академию будет открыт и для молодых работников искусства. Нужды нет, что они в данную минуту не известны толпам. Если в них горит истинный талант и желание доброжелательного сотрудничества, то они будут незаменимыми двигателями Академии. В каждом прогрессивном деле должна быть крепкая связь с молодыми поколениями. Мы всегда на этом настаивали и с годами такое убеждение лишь укрепилось. Вот и теперь, если Академия в Нью Йорке хочет преуспевать, она должна постепенно собрать кадр преданных сотрудников. Это не так уже трудно, ибо программа Академии включает все области искусства, и таким путем можно легко встретить самых разнообразных даровитых деятелей. Обычно слово Академия предполагало собрание уже испытанных, умудренных деятелей, но пора открыть двери Академии шире, чтобы облегчить доступ к сотрудничеству и молодым. Всегда останется значительным прогноз, правильно угадать народившийся талант. И эта радость должна жить в стенах живых академий. Достоинно угадать талант и также достойно немедленно привлечь его к содействию. Если Академия

хочет укрепиться и развиваться, пусть ее деятели помнят этот совет о ближайшем сотрудничестве с молодыми. Каждый год выдвигает новые молодые силы. Вечно молодое обновление будет неисчерпаемо.

З А Б О Т А .

Разрушена Варшава. Погибли тысячи мирных жителей. В старинном городе было не мало зданий хранивших в себе исторические воспоминания. Не мало было художественных собраний. В домах хранились семейные реликвии музейного значения. Радио передает, что весь город в развалинах. Вина лежит и в защищавших и в нападавших. Положим, что защитники города оправдываются тем, что они ожидали помощь от союзников, которая не пришла. Подумали-ли нападавшие о неповторимых исторических, художественных сокровищах - не знаем. Вспоминается, что во время Египетской кампании Наполеона при войске находилось несколько ученых, которые помогли охранить некоторые памятники. Все знаем об открытии Шампольона, которое оказалось ключем к дальнейшей Египтологии. Этот пример невольно вызывает вопрос: имеются-ли и теперь при армиях ученые эксперты, которые тут же на месте могут подать совет об охране культурных сокровищ. Если Наполеон мог подумать о сотрудничестве ученых, то ведь сейчас тем более можно бы установить такой ученый совет при войсках. В Данциге волею судеб уцелела Артусова зала, а в Варшаве исчезли многие народные сокровища. Вспоминаем не только о музеях и исторических зданиях. В каждой семье имеются родовые художественные предметы. Приходилось наблюдать как такие предметы оказывались семейным средоточием. Иногда одна такая реликвия уже объединяла людей, которые иначе недружелюбно разбежались бы. Говорить об охране народных сокровищ как будто уже должно стать трюизмом. Но вот мрачная действительность еще раз доказала, что эти заботы насущны. Невозможно подвергать исторические города современным разрушительным осадам. Пусть геройские подвиги проявляются вокруг крепостей, которые и созданы для военного применения. В прошлую великую войну русские войска, оказавшие чудеса храбрости в крепостях Польских областей, добровольно отошли от Варшавы дабы не подвергать город опасностям разрушения.

К сожалению, этот пример не оказался достаточным для современного положения дела. И защитники и нападающие одинаково должны понимать, что исторические города не должны быть местом битвы. Если бы при армиях находились ученые комитеты экспертов, то многое могло быть спасено. А спасти народное достояние необходимо.

В 1906 году Комитет Общества Поощрения Художеств поручил мне ознакомиться с заграничными художественными школами. Со мною поехал и мой помощник. Первый осмотр школы в Берлине сопровождался любопытным эпизодом. Когда мы обратились к дирекции школы и представили наши широковещательные документы, то результат получился совершенно неожиданный. К нам отнеслись очень почтительно но сказали, что посещение таких именитых гостей должно идти через министра. Когда же я спросил, как скоро эта процедура закончится, мне сказали, что она возьмет неделю или две недели времени. Между тем, у меня уже были назначены свидания в Париже. Мой помощник упал духом и говорит - "этак мы никогда не успеем осмотреть все намеченное." Я его успокоил, говоря, "если нам помешали большие бумаги, то пойдем с малыми." Так и сделали - на другой же день пошли в качестве желающих поступить в школу. Ходили по всему зданию, отовсюду нас вежливо гоняли, говоря, что раньше нужно побывать в канцелярии у регистратора. Мы конечно, не сразу нашли путь к этой канцелярии и попутно побывали во всех классах и даже обращались с разными вопросами. В канцелярии нас снабдили всеми нужными сведениями и так как нам ничего больше не нужно было получать, то мы спокойно отехали в Париж. Официальное разрешение осмотреть школу нагнало меня уже в Швейцарии. С удовольствием вспоминаю посещение мастерской Ходлера, и картины его и сам он мне очень понравился. Шауб Кох поэтому то и хочет писать статью "Рерих - Ходлер - Сегантини". Поездки вообще не легко устраивались, пока я был секретарем Общества Поощрения, постоянно возникали какие-то спешные обстоятельства и приходилось по телеграмме спешно возвращаться. Помню, как после свадьбы была разрешена поездка в Москву, а через три дня получилась телеграмма, вызывающая на спешное заседание Комитета. Пришлось вернуться. Запоминается и другой курьезный эпизод, мы были тогда около станции Окуловка, вдруг получается телеграмма от принцессы Ольденбургской с просьбой быть у нея на другой день в восьмом часу

утра. /Мой доклад у нея был самым ранним/. Вечером же я уехал в Питер и, едва успел переодеться, поспешил с докладом. Доклад продолжился около часа и мне показалось, что я если не буду заезжать домой, то еще успею на утренний Севастопольский поезд на Николаевский вокзал. Так и случилось и после полудня я уже был в Окуловке. День был жаркий, а нужно было несколько верст пройти около полотна железной дороги. И вот, сняв пальто, я зашагал во фраке и цилиндре к вящему изумлению стрелочников и прочих встречных. Кончилось тем, что наша прислуга чуть не упала в обморок, приняв меня за приведение, ибо никто не мог ожидать такого быстрого возвращения. Впрочем, такие фрачные прогулки были не раз. Из Петергофа мы с Зарубиным решили пройтись до следующей станции и тоже шествовали во фраках - вероятно, кое кто нас принимал за официантов. Все это благодушные эпизоды. Но бывали и очень драматические. Однажды у нас были гости и мы спокойно беседовали, когда прибежал взволнованный Максим, служитель и не стесняясь присутствующими, заявил дрожащим голосом: "Барон Врангель очень больно Михаила Петровича Боткина в глаз ударил." Оказывается в выставочном зале произошла целая драма. Устраивалась выставка старинной живописи, а по пожарным условиям градоначальник запретил открытие. Боткин пошел предупредить выставочный комитет об этом запрещении, а Врангель, думая, что виновником всего является сам Боткин, грубейшим образом кулаком ударил его в глаз. Было очень прискорбно, ибо именно в этом случае Боткин не был виноват. Думается, что это потрясение было началом смертельной болезни Боткина. Без - конечное количество эпизодов возникает около искусства. Всякие удачи и неудачи выставок иногда зависят от таких странных стечений обстоятельств, что наблюдать их является настоящею школою жизни. Бывали и символические и настоящие пожары. Требовалось не малое присутствие духа тушить пламя. Чего только не было.

НЕБЕСНОЕ ЗОДЧЕСТВО.

От самых ранних лет небесное зодчество давало одну из самых больших радостей. Среди первых детских воспоминаний прежде всего вырастают прекрасные узорные облака. Вечное движение, щедрое перестроения, мощное творчество надолго привязывало глаз ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи и цветными золочеными парусами, заманчивые призрачные горы - чего только не было в этих бесконечно богатых неисчерпаемых картинах небесных. Без них и охота и первые раскопки не были бы так привлекательны, и в раскопках и в большинстве охот глаз, все таки, устремлен вниз и это не наскучит, лишь зная, что вверху уже готова заманчивая картина. Сколько раз из за прекрасного облака благополучно улетал вальдшнеп или стая уток и гусей спасалась неприкосновенно. Курганы становились особенно величественными, когда они рисовались на фоне богатства облаков. На картине "Морской Бой" - первоначально все небо было занято летящими Валькириями, но затем захотелось убрать их, построив медно-звучащие облака, - пусть сражаются незримо. Картины "Небесный Бой", "Видение", "Веление Неба", "Ждущие", "Карелия" и многие другие построены исключительно на облачных образованиях. Прекрасна и небесная синева, особенно же когда она на высотах делается темно-ультрамариновой, почти фиолетовой. Когда мы замерзали на Тибетских нагорьях, то облачные миражи были одним из лучших утешений. Доктор говорил нам, прощаясь вечером: "До свидания, а может быть и прощайте, - вот так люди и замерзают." Но в то же время уже сияли мириады звезд, и эти "звездные руны" напоминали, что ни печаль, ни отчаяние неуместны. Были картины "Звездные Руны" и "Звезда Героя" и "Звезда Матери Мира", построенные на богатствах ночного небосклона. И в самые трудные дни один взгляд на звездную красоту уже меняет настроение, беспредельное делает и мысли возвышенными. Люди определенно делятся на два вида. Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других

оно молчит или, вернее сердца их безмолвствуют. Но дети умеют радоваться облакам и возвышают свое воображение. А ведь воображение наше - лишь следствие наблюдательности. И каждому от первых его дней уже предлагается несказуемая по красоте своей небесная книга. Была и картина "Книга Голубиная".

Лет тридцать тому назад один антиквар прислал мне на просмотр фламандскую старинную картину с совершенно необычным сюжетом. Вдали виднелся средневековой город, а на первом плане целая толпа женщин шла, высоко подняв свои одеяния. Оказывается картина изображала некий эпизод из осады города, когда защитники уже отчаялись в успешности, а женщины вышли в этом виде, желая устыдить неприятеля. История уверяет, что этим порядком город был спасен. Таково понимание о спасительницах. Несколько подобных же вариантов было запечатлено и в литературных произведениях. Но совсем другое передают нам из недавних событий в Индии. В один памятный день предполагалось предотвратить вход в общественное учреждение, которое своею непрерывавшеюся деятельностью нарушало торжественность часа. И вот в воротах этого учреждения появилась молодая девушка и со сложенными молитвенно руками встала неподвижно, заграждая вход. Никто не дерзнул пройти сквозь эту благородную стражу. Конечно, не замедлил появиться мотор с блюстителями порядка и мужественная спасительница входа была увезена. Но не успел скрыться мотор со своею добычей, как на этом же месте появилась в той же молитвенной позе другая девушка и опять никто не посмел нарушить этот бесменный дозор. И вторая героиня была увезена, но на ее место нашлась третья самоотверженная защитница Какая утонченность и возвышенность мышления сказывается в таком вдохновенном дозоре! Увы, какие то моторы или копыта не остановятся перед такою духовною преградой, но найдутся и те чуткие души, которые преклонятся перед молитвенно непреступною защитой. В наши дни, когда приходится узнавать о невероятнейших и грубейших злоухищрениях, странно и вдохновляюще было слышать простой рассказ о девушках спасительницах. Вивекананда говорил, что пятьдесят женщин совершат то, что не под силу будет пятидесяти тысячам мужчин. Высокая правда выражена в этих словах. Не все поймут ее, и кто-то

загогочет, представляя себе, как будут уничтожены эти спасительницы механическими ухищрениями злобы. Пример тому можно находить на страницах ежедневных газет. Но пути правды несказуемы. Очевидность - одно, и действительность - другое. Инеммо она слагает эволюцию. Слава самоотверженным спасительницам.

Гималаи.

20 Октября 1939 г.

Николай Рерих.

Мечи войны не раз пресекали наши самые лучшие возможности. При начале русско-японской войны обстоятельства испортили поступление семидесяти пяти моих картин в Русский Музей. За четыре часа до об'явления войны вся эта скита была приобретена для Музея, затем в силу экстраординарных обстоятельств дело оттянулось, а тут подвернулся Грюнвальд с выставкою в Сен-Луи и в печальном результате все эти картины рассыпались по Америке и Канаде. Тогда же, вследствие войны, были навсегда отложены полезные реформы школы Общества Поощрения Художеств. Великая война в свою очередь нанесла многие ущербы нашей культурной работе. Не состоялось осуществление моего проекта Народной Академии Художеств. Не состоялась моя большая выставка, комитет которой уже работал. Нынешняя война уже в самом начале своем причинила ущербы. Турне нашей выставки по Индии начало протекать в неестественных условиях. "Фламма" должна была прекратиться, ибо даже высылка этого журнала за границу сделалась невозможной. Хотя осенний номер был выслан подписчикам еще тридцатого августа, но он уже был возвращен с почты со штемпелем, что "сношения прерваны". При таких противоестественных условиях даже самые лучшие и простейшие начинания должны страдать. Когда мы в свое время указывали на всякие препоны, чинимые культурным делам во время войны и прочих неурядиц, нам говорили, что наши опасения чрезмерны. Говорили, что Музеи существуют, театры действуют.... Но вот дожили до того, что музеи должны быть отправлены в какие то подземелья. Университеты закрываются. Многие театральные постановки наверное отменены, хотя, среди военных мер кинематограф едет на фронт. Некоторые люди еще пытаются заявить что вся культурная работа нисколько не умалена военными обстоятельствами. Такое заявление по меньшей мере будет фарисейским. Военные обстоятельства прямо или косвенно вторглись во всю жизнь. Несмотря на запреты, жизнь дорожает, культурная промышленность сократилась, появились новые орды безработных. Среди всех этих бед появилось еще одно лицемерие, - все тайные враги культуры наши новый предлог, чтобы уклониться от всякого участия в просветительных делах. Эти тайные враги культуры подчас даже страшнее врагов явных.

БОЛЬНОЙ ГОД.

Этот год оказался болезненным во всех отношениях. Все мы переболели. Если подсчитать все болезни, то выйдет что ими была занята большая часть года. И сердце и невралгия и железы и зубы и глаза и всякие раздражения слизистых оболочек и лихорадки. Удивительно, как все стусилось и в каких неожиданных формах. Впрочем и все в мире столкнулось неожиданно. Отовсюду пишут о плохом здоровьи. Всюду жалуется. А положение все усложняется.

Конечно, и в прошлом было не мало болезней - и печень и пневмония и всякие виды инфлуенцы. Требовался и Кисловодск и Нейенар. Врачи - Двукраев, Романовский, Цейдлер, Бертенсон иногда даже устрашали. Бодрее всех был Двукраев. Его формула "ближе к земле" запомнилась.

Лучше всего мы чувствовали себя на тибетских нагорьях; казалось, мы были окружены всякими опасностями и невзгодами, но весь путь устояли в палатках на крепчайшем морозе. Удивительно, как выдержала Е.И. Только раз в Нагчу было у ней такое воспламенение центров, что можно было опасаться - как выдержит. На морозе - огнем горела. Но и это прошло. Вообще Азийские просторы - целительны. Вспоминаем и финские снега 1916-17. Они переломили отвратительную пневмонию. Морозно было в Сердоболе и на ладожских островах. Пыхало северное сияние и звенел и благоухал снежный воздух. Не раз на Гималаях вспоминали мы эти снежные сияния.

Здесь превосходен горный воздух. Здесь горные сияние названные Гималайскими свечениями. Целая сказочная горная страна. почему же этот год выдался таким болезненным? Люди-ли его отравили? Снизилась-ли потрясающие пространственные токи? Не удивимся, если ожесточенная, свирепая мысль человеческая отравляет пространство.

В университетах теперь начали изучать мысль и мозговую деятельность. Наконец то признали какую мощною энергией обладает

человечество. Уже давно знали, что взрывы могут вызывать дождь. Таким путем познается энергетическая основа. Может быть скоро поймет человек, что его мысль есть рассадник и вреда и блага.

Весь словарь лукавства и предательства произнесен потрясенным человечеством. Но не в произнесении, а в мысли несказанной главная сила. Кто знает на какие расстояния действует мегафон мысли? Много новых разновидностей болезней сейчас в мире. Многие не опознаны. Некоторые принимают вид эпидемий. Не мысль ли их творит? Большой нынешний год.

1939.

Превозмогаю невралгию. Читаю старых друзей - Бальзака, Анатоля Франса, письма ван-Гога. Светик правильно замечает, что в его письмах нет ничего ненормального. На него нападали отдельные припадки безумия. Да и было ли это безумием или же протестом против окружающего мещанства? Ван-Гог был у Кормона. Там же побывали и Гоген и Тулуз-Лотрек и Бернар. Не испортил их Кормон.

Перечитываю былины в новом московском издании с отличными палеховскими иллюстрациями. Народ познал свои сокровища. Замечательна былина о Дюке Степановиче, где сопоставляется богатство Галича с Киевом. Выходит, что Галич много превосходит Киев и зодчеством и товарами и всем великолепием. Добрыня принял портомойницу за матушку Дюка - в таком богатейшем наряде она была. Впрочем, и в Слове о Полку Игореве превозносится богатство и мощь Галича. Старое достояние Руси.

Вот опять русский народ объединен с Галицкой старинной областью. Наверно произойдут раскопки. Еще что нибуть замечательное выйдет наружу. Показания былины о Дюке и Слова о Полку Игореве не даром устремляют внимание к Галицийским взгорьям. И Угры и Болгаре имели причины стремиться в этих направлениях.

Любопытно, кто первый направил палеховцев и мстерцев в область былинной иллюстрации? Счастлива была мысль использовать народное дарование в этой области. Помню, как на нашем веку этих даровитых мастеров честили "богомазами". Впрочем, тогда ухитрялись порочить многие народные достояния. Доставалось нам не мало за любовь к народному художеству. Правилен был путь наш. Не пришлось с него сворачивать.

И Настасья Микулична - величественный прообраз русского женского движения. давно нам был близок. Характерно женское движение

в русском народе - в народах Союза. Выросло оно самобытно, как и быть должно. Женщина заняла присущее ей место мощно, как поленица удамая. Радостно читать, как индус пишет о своем пребывании в землях союза. Народы, волею своею, показали здоровое, преуспевающее строительство. Как вспомнишь об этом историческом строительстве, и невральгия полегчает Привет народам Союза Привет Родине.

21 Октября 1939 г.

М И Р А Ж И.

Стоянка была в открытой безводной пустыне. За барханами раскинулись приветливые миражи. Небывалые светлые озера, рощи деревьев, даже точно бы виднелись стены жилья. Врач экспедиции, прежде не выдавший миражей, негодовал: "Зачем ночевать среди песков, когда в полтора верстах и вода и топливо и даже жилье"! Уговоры не подействовали и наш спутник зашагал по песчаным кочкам к призрачному озеру. Часа через три он вернулся сердитый и, молча, заперся в палатке.

Сколько миражей! И какие привлекательные! Много опыта надо иметь, чтобы отличить очевидность от действительности.

Много неожиданностей и не в пустыне. На Ладожских островах мы пустились бродить. Кружили долго. Любовались скалами, вереском, елями, соснами, чудесными заливами. Наконец увидели заманчивую скалу и решили влезть на нее. Карабкались с трудом и предвкушали за вершиною новые дали. Вошли, преодолели и оказались перед кухней нашего дома. Тоже своего рода - мираж.

И сейчас вокруг нас вершины, подле которых Монблан окажется карликом. На многие островерхие зубцы не всходил человек. Вот бы взобраться. Но знаем окрестности. Знаем, что с вершины увидим давно знакомые долины, к которым ведут удобные дороги. Но найдутся и те вершины, откуда откроются новые всходы и стоит преодолеть их и не пожалеть сил.

В Трансгималаях иногда с перевала открывались бесчисленные вершины, все в блеске снегового убора. Глаз уже не мог охватить строения этого каменного океана. Кто знает, где явь и где мираж? Узкою тропой проходят путники. Вожатый каравана не дает удалиться в непроходимый лабиринт.

Изумляясь несказанному великолепному разнообразию вершин,

вы уже готовы признать все вероятия. Ночью, когда полыхает Гималайское сияние, вы готовы к любой сказке. Но нет больших сказок, нежели сама жизнь.

Среди скал через самый стан медленно проходит серна со своим малышом. Не спешит, ее еще не научили страшиться. На гребнистой вершине четко выступают очертания каменных баранов с огромными рогами. Не бегут. Охотники опускают ружья и любуются. За миражами достигнем и явь. За сказкою будет действительность. Доверчиво пройдем через станы по пути к новым вершинам. Там услышите сказание о Шамбале.

22 Октября 1939 г.

В С Т Р Е Ч И.

Одна писательница после целого вечера распросов, прощаясь горестно заметила. "А самого то главного и не сказали". Правда, не сказано самое главное. Да и как его скажешь? Одни засмеют. Другие вознегодуют. Третьи и не выслушают! Записать бы для пьесы, для фильма. Но как уложить все разновременное, разноязычное? Как то следовало бы сделать. Нужно и время найти и затворить уши на день сегодняшний. Не легко это.

Уж на что уединились. У последней почтовой станции. На границе Тивета. Тут то бы и собрать все "самое главное". Но мирские неурядицы и сюда достукиваются. И здесь ждуются газеты. И сюда спешат передать радио, совсеми его выдумками. Долезают телеграммы, - теперь уже с цензорскими разрешительными пометками. Может быть кое что и не доходит. Где то друзья негодуют о неполучении ответа, а их весть где то застряла в цензуре.

Неурядицы всюду. И помочь нельзя и мыслями собраться невозможно. Чувствуешь, как многое где то выходит рыбьим хвостом. И черепки дребезгом своим заглушают "самое главное". Не повторится оно. Искры его тухнут в тучах пыли. Неужели не удастся запечатлеть? Только подумать какие чепуховые причины мешали собраться и записать. Не все и записать можно. Каждый день дает свое разрешение и свое запрещение. Многие записи порывались. Еще на днях сожгли целые корзины рукописей. И то не ко времени и это не к месту. Но с годами уходят подробности, уже не схватить их. Основа не только не тускнеет, но даже укрепляется в памяти!

Уже если в горной глуши не собраться, то где и когда? А самое главное, самые ценные встречи замечательны своею потрясающей нежданностью, своею убедительною несравнимостью. И на людной улице столичного города и в толпе музейных посетителей и в банке и в гостиннице и на горной тропе и в шатре и в юрте

Где только не были те всречи, которые проображали жизнь. И скажешь ли это "самое главное" проходящим? И найдешь ли слова, которые удовлетворят, перечитывая?

Смута мира кипит. Нет таких гор, куда бы не достиг стон убиенных. Как же сказать "самое главное"?

24 Октября 1939 г.

П А С П О Р Т А .

Наш трех-аршинный китайский паспорт вызывал не мало шуток. В нем после перечисления наших имен, следовало и перечисление наших вещей. Таким образом, каждый наш сундук уже имел паспорт. В гостинницах очень удивлялись такой длиннейшей бумаге, но бумага была хорошая, настоящая китайская, иероглифы были красивы, а квадратные красные печати были очень внушительны. Правда, концы бумаги поиздержались в пути, - их пришлось подклеить. Затем в центре нам было дано удостоверение, которое сменилось на паспорт монгольского правительства. Он уже не был так длинен и отлично служил нам. В конце концов, Президент Думерг распорядился выдать почетный французский паспорт, который хотя и не делал нас французскими гражданами, но прекрасно служил при переездах из страны в страну. Когда мы спросили одного французского министра, какое положение нам давала хорошенькая коричневая французская книжечка, он, улыбнувшись, сказал: "ву зэт ен протэжэ спесиаль дела франс". На вокзалах и гостинницах бросаются в глаза широко-вещательные приглашения посетить разные страны. Сколько иностранцев с завистью смотрят на эти заманчивые плакаты и говорят себе, хорошо сказать - поезжай, а визы то где? Не легко бывало с визами и целая папка в архиве свидетельствует о таких перепитиях, изобретенных современной цивилизацией. Когда в декабре тысяча девятьсот шестнадцатого года мы, по моей болезни, выехали в Финляндию, странно вспомнить теперь, как легко и естественно тогда на паспорте оказался штемпель Выборга. Потом надолго мы вообще забыли о паспортах, ибо оказалось, что мое имя было лучшим паспортом. В Америке же о паспортах и не слышали. Странно подумать, что вместо облегчения сообщений современная цивилизация настроила такие нелепые барьеры, которые иногда не под силу даже лучшим скаковым лошадям, а мирным путникам-пешеходам и подавно. Еще хорошо, что пути искусства и науки встречают некоторое сочувствие иногда.

Вообще странные вещи творятся в мире. Казалось бы все изобретения должны лишь облегчать и упрощать обиход. На деле же происходит как раз обратное. Гоголь восклицал: "скучно жить на этом свете!" Можно сказать - "трудно жить на этом свете". Тем более радостно видеть истинное строительство. При нем и уродливый вопрос паспортов станет на место.

П Р О П У С К.

Дело с визами причинило нам не только бесчисленные хлопоты, но больше того оно нанесло неизгладимый вред для наших просветительных учреждений. Все визное дело и само начало его было несказанно безобразно. Весной 1930 года мы возвращались из Нью Йорка в Индию, где в то время была Е.И. Обратились к британскому консулу в Нью Йорке, он как то странно замаялся и предложил нам, раз мы едем через Европу, взять визу в Лондоне. Мы последовали консульскому совету, но когда прибыли в Лондон, то нам в Министерстве Иностранных Дел сказали, что виза нам вообще не будет выдана. Тут то и началось памятное визное дело. Семнадцать государств хлопотали о выдаче нам визы. Необоснованный отказ вызывал всеобщее справедливое возмущение. Один дипломат передавал, что на обеде в Букингемском дворце старшина дипломатического корпуса воскликнул: "все-таки это дело более, чем странно!", и все поняли что имелось ввиду ваше визное дело." Кроме иностранных правительств и лучшие английские представители много раз посетили улицу Даунинг с самыми сильными заявлениями. Так в одно время там побывали герцог Сомерсетский, кардинал Бурн и архиепископ Кентерберийский, лаборит Тревильян ... Писали Гордон Боттомлей и Гальсворти ... Харберг-Райт, Директор Лондонской Библиотеки, написал своему Правительству чрезвычайно сильное письмо, заканчивая его словами, что он надеется, что "разум возьмет верх". Массарик нам сообщал: "джентельмены, мы наткнулись на Альбион." Дело о визе нашей так разраслось, что его возили по корридорам Министерства в тачке. Наконец, я спросил определенно, когда будет выдана виза? нам ответили, что она выдана не будет, /опять таки без всяких объяснений./ Я спросил, - это окончательно? и господин в желтом жилете ответил, низко поклонившись, - окончательно! Тогда я сказал: "по счастью в мире нет ничего окончательного." Наш друг французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с

с британским правительством, посоветовал нам возвращаться в Париж, тем более, что Президент Думерг назначил нам аудиенцию. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверг сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее Швеции державы не имели успеха. Ввиду болезни Е.И. наши французские друзья посоветовали нам ехать в Пондишери, откуда было все же ближе до наших Гималаев. Перед нашим отплытием из Марселя мы дали телеграмму британскому министру Гендерсону о нашем от'езде в Пондишери, на что он телеграфировал нам, что это "принято во внимание". Кроме французской визы во все пять французских владений в Индии, мы запаслись еще португальской визой в Гоа и в португальское селение около Бомбея. Британский консул в Пондишери был чрезвычайно встревожен нашим приездом, тем более, что по местному обычаю приезжие в Пондишери имели возможность посещать и Мадрас. Британский консул озабоченно спрашивал нас, что му будем делать, если виза все же не будет выдана? Мы сказали, что приобретем имение в Пондишери, а затем будем ездить во французский Чандранагор /в 20-ти милях от Калькутты/, в Гоа, в Каракал и в другие места, согласно нашим визам. Наши сожители по гостиницы в Пондишери уверяли, что на деньги, потраченные на одни телеграммы можно выстроить целый большой дом. Визное дело началось необ'яснимо безобразно, но и также необ'яснимо вдруг закончилось. После месяца пребывания в знойном Пондишери мы в одно прекрасное утро на площади увидели чапраси, /служущего/ британского консула, бегущего к нам, махая какой то бумагой. Оказывается виза от вице-короля. В последнее свидание с нами британский консул удивленно спрашивал - "в конце концов, скажите, что все это значит?" Мы отвечали: "если даже вы не знаете, то как же нам знать". Некоторые злые языки поговаривали, что все то дело устроено нами же для рекламы, настолько непонятен был этот нелепейший эпизод от начала до конца. Но кто возместит

потраченное время и огромные расходы, вызванные всеми этими пережитиями? Когда смотрю на толстенную папку нашего визного дела, то даже невероятно бывает вспомнить все вреднейшие человеческие попытки пресечь культурную работу. Но с тех пор в мире произошло столько всяких злостных ухищрений, что наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной "цивилизации", быстро утрачивающей всякую человечность.

30 Октября 1939 г.

С У Д Ь Б Ы.

Роден только тридцати семи лет был впервые принят на выставку. Через три года он получил медаль третьей степени. Заметьте, третьей степени! Затем последовали общеизвестные скандалы с неприятием его памятников Гюго, Бальзака и Героев Граждан. Кроме того Роден был обвиняем в том, что он вообще не умеет работать и делает мулажи вместо того, чтобы лепить. Потребовалась целая комиссия испытанных скульпторов, которая, исследовав работу Родена, удостоверила оригинальность искусства великого скульптора. Когда мы были в мастерской Родена, невозможно было представить себе, чтобы этот самобытный, бодро уверенный мастер должен был проходить такие голгофы непонимания.

Тоже самое происходило и в первый период творчества Пювис де Шаванна. Одиннадцать лет он был непринимаем на выставки. Гоген умер накануне ареста, да, ведь, и Фидий скончался в тюрьме. А судьба Модиглиани? Сколько судеб! Говорят, в Париже живет пять тысяч поэтов, ни разу не напечатанных. Перед многими молодыми захлопнуты двери.

Удивительно подумать, что так называемые Академии в разные века отличались тою же неприязнью ко всему даровитому и выходящему из рамок обычного. Любопытнее всего то, что эта же странная особенность сказывалась не только в художественных академиях, но и в научных. Можно привести длинный список имен, обойденных Академиями.

Нам могут сказать, что несправедливость Академий по отношению Ломоносова или Менделеева уже отошла в область прошлого. Но как же быть тогда с супругами Кюри, которые еще не так давно на наших глазах почувствовали на себе типичную академическую несправедливость.

Куинджи трижды не был принят на экзаменах в Академии. Последний раз из тридцати экзаменовавшихся двадцать девять было

принято и один единственный Куинджи испытал на себе судьбу многих талантов. И Верещагин не мог поступить в Академию.

Опять таки допустим, что все эти "памятки" относятся к прошлому. Но как бы сделать, чтобы в новых Академиях, в Академиях будущего такая более, чем странная традиция не повторилась? Сейчас празднуется юбилей Российской Академии Художеств. Надо думать, что сложатся такие обновленные традиции Академии, когда путь истинных дарований будет всячески облегчен. Пусть Российская Академия будет истинно новой. Новой - для молодых.

Изумляемся судьбам бывшим. Понимаем все творившиеся несправедливости, но ведь можно себе представить и бережливое отношение к талантам, когда Академии станут не осудителями и гонителями, но утонченными поощрителями и дальнзоркими провидцами тех, которым суждено стать народной гордостью и мировыми ценностями.

Судьбы - в руках человечества.

17 Ноября 1939 г.

Ушла добрая, крупная деятельница. Америка может добром вспомнить Флорентину Сутро. Она успевала сделать добро в самых разных, неожиданных концах страны. Да и одна ли Северная Америка тепло поманет энергичную деятельницу? Ее добрая рука протягивалась в разные страны и умела помочь многому культурному.

Сутро была не только благотворительницей, дающей от избытка, но именно широкой деятельницей. Ее имя связано с учреждениями, посвященными миру. Умела она живо подойти к великому общечеловеческому понятию, зная, что лишь действительно можно укреплять мир, а не голым доброжелательным словом.

Также Сутро была директором Школы Этики. Одно это пока - зывает ее внутреннее устремление. Для нее Этика была не модным поверхностным понятием, но глубокою основой жизни. Имя ее связано и с госпиталями и с художественными учреждениями, со школами и музеями, с переселенцами и со многими жизненными проблемами. С уважением и радостью следили мы двадцать лет за этою кипучею деятельностью, и всегда эта деятельность была доброжелательной.

Возьмите, хотя бы ее автобиографию "Мои первые семьдесят лет". Разнообразной была жизнь Флорентины и со многими выдающимися деятелями ей пришлось встретиться. Эти ее знакомцы и друзья были чрезвычайно разнообразны, но о каждом она нашла благожелательное и правдивое слово. В книге рассказаны многие поездки. В каждой стране Флорентина умела найти характерные основы и рассказала о них просто и душевно, ибо смотрела она глазом добрым.

Одной из самых последних ее поездок было обширное путешествие по русским землям, с юга до севера. Прекрасно разобралась Флорентина Сутро в сложной жизни и опять таки нашла правильное и характерное суждение. Прошлым летом неутомимая деятельница успела слетать в Южную Америку, куда привлекли ее общественные интересы.

Для нее возраст не был преклонным и с молодой подвижностью она откликнулась на все животрепещущее.

В каждом ее намерении была заключена глубокая идея. Хотя бы вспомнить идею кооперативного дома, в котором должны были найти приют как сотрудницы и пайщицы бедные труженицы и молодые матери, которые могли оставить своих детей на время рабочих часов под призором дежурной товарки.

Сохраняем глубокое по смыслу письмо Флорентины, в котором она говорит о проблемах мира, указывая на свое несогласие с некоторыми поверхностными обществами этой идеи. Деятельная душа не мирилась с бездейственными речами. Где была Флорентина Сутро, там было ДЕЙСТВИЕ, и действие доброе и неутомимое. Она умела быть другом верным и любила доводить дело до конца. Особенно отметим ее стремление к справедливости и горение исправить, где только возможно попорченную правду. Все эти качества не часто встречаются.

На новых дальних путях поможет ей все добро которое она успела сделать в своей земной жизни. Поможет ей неисчерпаемая деятельность, которая была ее отличительной чертой. Сердечный привет в ее новых надземных путях.

Гималаи.

10 Января 1940 г.

Николай Рерих.

